

Николай Николаевич Красильников родился в 1903 г. в дер. Сидорово Даниловского уезда. В 30-е годы возглавлял колхоз, был председателем сельсовета. В составе коммунистической дивизии прошел путь от Волги до Эльбы, был ранен, награждён орденами Красной Звезды, Славы III степени, несколькими боевыми медалями.

Литературный сборник
Книжная серия «Сердце России»
Издательство Современник 1990 г.

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ

ПУШКА № 2009

Рассказ солдата

Иногда мне кажется, что такое тихое утро я видел только раз в жизни. Июнь. Воскресенье. Сенокос ещё не наступил. И люди позволили поспать подольше обычного. Деревня Стокшино пустынна, лёгкий ветерок покачивает занавески в открытых окнах. По улице как позёмка стелется тополиный пух. Над лесом вот-вот поднимется солнце, оно уже золотыми стрелами пробило дорогу сквозь густой молочный туман.

По просёлку я не спеша иду в село Никольское, где находится сельский Совет. Никто не помешает сегодня поразмыслить о делах, разобраться в накопившихся заявлениях, жалобах, которые в повседневной суете нет-нет да и отложишь на другую неделю. В комнатах, пустых и неуютных, пахнет застоялым табачным дымом. И я настежь распахиваю все окна. И вместе с чистым воздухом врывается бодрая петушиная переключка. Где то звякает кольцо калитки, скрипит ворот колодца...

И вдруг-телефонный звонок. Оторвался от бумаг, подумал: кто бы мог в нерабочий день так рано?

Звонил первый секретарь Даниловского райкома партии Сергей Васильевич Щелоков. Он удивился, что ему сразу ответили:

- Председатель Сельсовета? Как ты очутился у телефона в такое неурочное время?

-Да вот «зашился» с бумагами...

-А разве не знаешь, что произошло?- В голосе секретаря райкома слышалась тревога.- Немецкие фашисты напали на наши границы. Бомбят города.

-Неужели война?

-Война!

От неожиданности у меня в голове всё перемешалось. Братьев вспомнил: Константин, который на западной границе служил, Василия-моряка.

А секретарь райкома говорил:

- Установите в сельсовете круглосуточное дежурство, предупредите военнообязанных, чтобы никуда не отлучались...

И полетели тревожные дни. Я уже не смог бы припомнить ни одного утра, его красок и звуков. В сельсовет приходили люди прощались жали руки, обещали скоро вернуться, а в глазах пряталась печаль. Раздавался женский плач, беспрерывно трещал телефон. На лугах женщины и подростки косили травы, сушили сено. Никто не ждал приглашения на работу-колхозники вставали чуть свет и выходили в поле. Все понимали, что надо трудиться и за тех, кто уехал в товарных эшелонах на далёкий фронт. Колхозы послали в армию большой табун лошадей. Без тягла стало ещё труднее.

Однажды в сельсовет прибыла группа эвакуированных женщин и детей из Ленинграда и Эстонии. Их разместили по деревням, обеспечили продуктами питания, дровами. Всех трудоспособных приобщили к работе. Депутаты сельсовета забыли о сне. Каждый день приносил новые хлопоты: то пригнали гурты скота из западных областей-его надо ставить под крышу, а помещений не хватает; то прислали срочную телефонограмму-выделить людей на постройку аэродрома, а рабочих рук недостаёт и на уборке хлеба. Фронт приближался к Москве-и колхозники рыли о берегу Волги противотанковые рвы, совсем недалеко от своих родных деревень. Ушли воевать ещё трое моих братьев: Алексей (*мой дед- А.К.*) председатель колхоза «Север», Сергей-ветеринарный фельдшер и Владимир-колхозник.

18 октября 1941 года коммунисты нашей даниловской районной партийной организации собрались у себя райкоме. Сергей Васильевич Щелоков рассказал о создании Ярославской коммунистической дивизии. После короткого обмена мнениями товарищи стали записываться в комдивизию. Видимо, Щелокову показалось, что я колеблюсь, он спросил:

-А что ты думаешь, Николай Николаевич?

- У меня пять братьев уже защищают советскую землю. Думаю, что и я не уроню чести семьи. Меня зачислили в артиллерийский полк. Это неслучайность. Н трёхмесячных сборах я изучал пушку. Правда то была пушка на деревянных колёсах, трёхдюймовка старого образца, ровесница тем, что участвовали в боях за Перекоп. Мы же получили полуавтоматическое орудие на резиновом ходу. Новенькая, только что с уральского завода, пушка поблёскивала на морозном солнце. Я на всю жизнь запомнил её номер-2009. Шесть мохноногих артиллерийских лошадей легко тянули её, и мы радовались: красавица! Казалось, весь наш боевой расчёт преобразился, когда после долгого ожидания мы стали хозяевами такого мощного скорострельного орудия.

Я, наверно, никогда не забуду и своих первых товарищей по расчёту. Все они даниловские добровольцы, коммунисты. Только командиром орудия к нам назначили костромича сержанта Михаила Скворцова, но мы не обижались-Скворцов хорошо знал военную службу, кадровый артиллерист. Обязанности наводчика выполнял Александр Иванович Козлов-мой коллега, председатель Троицкого сельсовета, человек спокойного и доброго характера. С ним я быстро сошёлся и подружился. Мы понимали друг друга с полуслова, все тяготы службы делили вместе. На фронте ой как важно иметь душевного товарища.

Волей случая в нашем расчёте оказался и третий председатель сельсовета- Золин Николай Фёдорович из Голодяева. Золин служил в расчёте номерным, я считался заряжающим. Помню ещё Фёдора Николаевича Синькина-бывшего колхозника, трудолюбивого и непоседливого.

Своими руками зкатали мы красавицу пушку на платформу. Уже в пути командиром нашего взвода был назначен Иван Наливайко, только что закончивший Ленинградское артиллерийское училище. Многим из нас он годился в сыновья. Однако этот двадцатилетний юноша покорила всех знанием материальной части орудия и своим упорством. Он сразу понял, что никто из расчёта по-настоящему новой пушки не знал. И не оставил нас в покое. На ходу поезда под свист леденящего ветра он собирал и разбираал замок, объяснял нам его устройство, затем каждого заставлял проделать это самому. Показывал как ставить упоры, чтобы орудие при стрельбе оставалось на месте, учил пользоваться прицелом. Мы замерзали на ветру, лица краснели и распухали, руки коченели. И только заметив это, Наливайко разрешал погреться.

Запасы сена кончились ещё в пути следования. Мы хорошо понимали, что нас настигает беда. Видели, что фашисты, отступая, разорили всю Калининскую область и никакого фуража на месте найти не удастся. А тут и первое испытание-бомбёжка эшелона на станции Баталово. Не успели даже выскочить из вагона-легли на пол и ждали своей участи. Пострадали от осколков беззащитные кони. Второй налёт вражеской авиации обошёлся благополучно. Вскоре мы разгрузились и двинулись дальше своим ходом. Лошадей кормили соломой с крыш. Не доезжая тридцати километров до передовой линии, кони вовсе ослабли и уже не смогли везти орудие. Без

передков оно весило две тонны. Пушку поставили на лыжи и тянули всем расчётом. Двигаться приходилось только ночью. Мы увязли в глубоком снегу от наших спин валил пар. Нам думалось, что за ночь мы преодолели огромное расстояние, а, как выяснялось, уходили вперёд всего на каких-нибудь три-четыре километра.

Из большого села Кресты, расположенного на возвышенности, мы увидели вдалеке на горизонте город Велиж. Там, по реке Западной Двине, проходил передний край. Ещё несколько километров пути, тяжёлых, но радостных: мы принимаем боевое крещение!

Командир взвода выбрал хорошие позиции, закрытые спереди и не видимые с воздуха. Связисты и наблюдатели выдвинулись на нейтральную полосу. Вскоре поступила команда на пристрелку, и наводчик Александр Иванович Козлов открыл боевой счёт пушке: метким выстрелом уничтожил пулемётное гнездо вместе с несколькими гитлеровцами.

Впрочем, долго под Велижем не задержались. Пехота выступила в район села Пречистого. Снялись и мы с огневых позиций, но сразу же увязли в снегу и отстали от стрелковых частей. Пришлось снова двигаться ночью по не расчищенным просёлочным дорогам. Но в темноте самолёты врага нащупывали движение артиллерийских батарей и бомбили. Лошади гибли от осколков, падали от изнурения. А впереди-140-километровый марш. Противник забрасывает нас листовками, запугивает силой своего оружия, пытается посеять панику. Разнеслась весть о большом несчастье: прямым попаданием бомбы разбита изба, где находился штаб нашего полка. Погиб начальник артснабжения Юдин, тяжело ранен начальник штаба Добротин.

Чтобы ускорить движение гаубичной батареи, у нас отбирают последних лошадей. Мы сами запрягаемся в лямки, в какой-то деревне к нам присоединяются колхозницы. Они в старых пальтишках, худых валенках, бледные, но стараются изо всех сил. Присутствие женщин прибавляет нам бодрости. Пушка реже застревает в колеях.

В одной из деревень повстречалась первая речка. Она разлилась и казалась неприступной. Ночью нас поднимают-прибыли бойцы зенитного дивизиона на подмогу. На руках переносим орудие через водную преграду. Фронт близко, и мы движемся уже днём, невзирая на бомбёжку. 24 апреля 1942 года устанавливаем свою пушку на огневых позициях в районе Горблеватки.

Противник закрепился на реке Аржать. Недалеко, за его передним краем, проходило шоссе, по которому то и дело сновали автомашины с боеприпасами, снаряжением, продовольствием. По утрам транспортные самолёты сбрасывали гитлеровцам тюки с военными грузами. На время весенней распутицы противник запасался всем необходимым для долгой обороны. А у наших бойцов не хватало патронов снарядов. По вечерам с помощью местных жителей мы переносили на себе ящики с боеприпасами к переднему краю. Противник занимал местность возвышенную, а наши пехотинцы отсиживались в болотах, в низинах. Он всё время вёл методичный артиллерийский и миномётный огонь, мы экономили боеприпасы. Однако наш расчёт поставил перед собой задачу: каждый снаряд посылать точно в цель. В эти дни тяжело заболел Сковорцов, на его место прислали ярославца Истомина. Когда пушка впервые вела огонь на прямой наводке, нашего нового товарища ранило, и я стал командиром орудия.

Нашу пушку в батарее считали основной. Почти всегда нам поручали вести пристрелку и, таким образом обеспечивать точность огня всей батарее. Стреляли с закрытых позиций. Противника по сути дела ощущали слабо, не чувствовали пульса боя. Может быть поэтому длительная жизнь в обороне запомнилась мне меньше, чем несколько дней наступления в августе 1943 года. Пушка № 2009 продолжала служить безотказно, вынесла обстрелы врага и бомбёжку, а вот люди в расчёте сменились: одни выбыли по ранению, других перевели. Я по-прежнему оставался командиром орудия, наводчиком был костромич Гусев, заряжающим Рачеев, подносчиком мой земляк Иван Иванович Иванов и номерным узбек Якубов, человек в нашей дивизии совсем новый, прибывший с пополнением.

Все мы с большим любовью относились к своей пушке, еженедельно чистили её, смазывали, окрашивали цапаины. Чтобы враг не обнаруживал нас с воздуха, закрывали огневую позицию свежими ветками. Ветки быстро вяли и желтели, каждый день приходилось воздвигать над пушкой новый шатёр.

Недалеко от нас в лесу стали появляться другие огневые позиции: из тыла прибывали тяжёлые орудия, гвардейские миномёты, ласково называемые «катюшами». Ночами где-то в тылу урчали танки. По всем приметкам намечалось большое наступление.

В полдень 11 августа 1943 года связист позвал меня в штабную землянку. С командиром нашего взвода старшим лейтенантом Михаилом Васильевичем Горяченковым беседовал майор, заместитель командира дивизиона по политической части. К этому времени Иван Наливайко уже командовал другим взводом. Старшего лейтенанта Горяченкова мы уважали за его доброту и простое обращение с бойцами. До войны он работал в ярославском совхозе зоотехником, но и артиллерийской техникой успел овладеть в совершенстве.

Я доложил Горяченкову о своём прибытии. Сидевший в землянке майор окинул меня взглядом и сказал:

-Сейчас же седлайте коня! Вам предстоит серьёзное дело. О нём я расскажу в дороге.

Ещё не догадываясь, о чём пойдёт речь, я сел на лошадь Серый Переклад, такая была у неё странная кличка, и ожидал майора. Он вскочил на своего коня и легко затрусил по пыльной дороге. На развилке офицер свернул вправо, и я понял, что мы едем к передовой. Дорога налево вела в тылы. Майор придержал коня, и мы поехали рядом, почти задевая друг друга стремянами.

-Вы должны подготовить огневую позицию для стрельбы прямой наводкой,-заговорил майор.- Работа эта нелёгкая и, кроме того, требует осторожности. Недавно из-за своей беспечности погиб расчёт в четвёртой батарее. Бойцы пренебрегали маскировкой, и противник их нашупал, когда они готовили огневую. Учтите это! Звуковая разведка у немцев налажена как нельзя лучше. Никакого шума, никаких разговоров!

Проехав несколько километров, майор остановил лошадь и приказал спешиться. Дальше ехать верхом опасно-мы находились в боевых порядках 1342-го стрелкового полка. Привязав лошадей к берёзкам, мы опустились в траншею и пошли к передовой. Видно было, что майор хорошо знал местность. Он без труда ориентировался во встречных ходах сообщения и вывел меня к глубокой ложине, закрытой от противника мелким кустарником.

-Запомните эти кусты,-сказал он, указав на заросли ольховника.- Именно эти, а не какие-нибудь другие! Против них располагался пулемётный дзот. Его предстоит подавить прямой наводкой. Сигнал-красная ракета. На всю подготовку-два дня.

Как только стало темнеть. Мы взвалили на себя карабины, лопаты, ломы. Ночью противник усилил пулемётный обстрел. Над головой пролетали цепочки трассирующих пуль, зловеще потрескивали разрывные пули. Перед ложинкой, выбравшись, мы поползли по-пластунски. Пулемётный дзот, который нам следовало уничтожить, огрызался огнём, и мы невольно прижимались к пахучей болотистой земле. Прежде всего я очертил полукруг для пушки. Рядом с огневой выкопали пять ровиков для расчёта и укрытие для снарядов. Работали лёжа, каждое движение старались делать без шума, и кажется, противник не замечал нашего присутствия.

Две бессонные ночи, как кроты, мы рылись в земле. Наконец в ночь на 13 августа установили пушку на новой позиции. Ствол пушки лёг на бровку, замаскированную дёрном. Казалось, что всё орудие целиком закопано в землю. Уставшие, мы присели отдохнуть. Лощина сплошь была затянута густым туманом. После жаркой работы тело охватил озноб. Потекли минуты ожидания. По обстановке во круг нас чувствовалось, что время отсчитывает последние минуты перед решающим наступлением.

Наводчику Гусеву, хотя он человек ловкий и расторопный, я ещё раз напомнил, что на прямой наводке зевать нельзя, а то «прощай родина»!

Как только забрезжила заря, в воздухе появились наши самолёты. Залп гвардейских миномётов возвестил о начале артиллерийской подготовки. Всё пришло в движение. С закрытых позиций ударили орудия и миномёты. Ещё раз проскрипели «катюши». Самолёты один за другим обрушивали на предний край врага тяжёлые бомбы. Штурмовики разрывали воздух пулемётными очередями.

Наводчик Гусев ждал сигнала. И вот взвилась красная ракета, началась самая жаркая работа. Вели беглый огонь осколочными и бронебойными снарядами. От нас требовалась дьявольская быстрота и умение рассчитать свои движения в полулежачем положении. Не успели мы сделать и двадцати выстрелов, как противник правее пушки положил свой снаряд. Видимо каждый участок на переднем крае хорошо пристрелян. Осколками снаряда перебило руку Гусеву. Он выбыл из строя. Я становлюсь к пушке за наводчика и продолжаю вести огонь. Мне даже некогда посмотреть как Гусев пополз в тыл. Снаряды и мины всё ближе рвутся к нашей огневой. Пушка стреляет непрерывно мой земляк Иванов только успевает подносить снаряды. Пушка тут же

глотают их и выплёвывают пустые дымящиеся гильзы. Пулемётный дзот против нас уже разворочен и больше не мешает пехоте. Мы бьём по траншеям, не давая гитлеровцам высунуть головы. И тут я резкий ожог в левой руке и потом почувствовал сильную боль. Рука повисла. Заряжающий Рачеев разорвал мою гимнастёрку и перевязал рану. За панораму встал Иваанов. Превозмогая боль, я стал выбираться с огневой, до перевязочного пункта, который расположился в овраге было метров двести. Мысленно я прощался с товарищами, доведётся ли встретиться?

Из медсанбата с большой группой раненых меня эвакуировали в город Кувшиново. В госпитале я лечился долго-с 26 августа по 8 декабря 1943 года. Все эти дни я мысленно находился в своей родной батарее. Написал командиру артполка, чтобы после выздоровления он помог мне вернуться в свою родную часть. В госпиталь пришло письмо с вызовом. Но где теперь воюет Ярославская коммунистическая, я не знал. С вещмешком за плечами и продаттестатом в кармане отправился на поиски фронтовых товарищей.

Скитания по фронтовым дорогам закончились благополучно: я встретил майора из нашей дивизии, и он проверив мои документы, дал маршрут. Когда под городом Витебском я разыскал свою батарею, то недосчитался многих однополчан: выбыли по ранению командир взвода Горяченков, бойцы артиллерийского расчёта Иванов, Рачеев, Якубов.

Мне сказали, что за бои в смоленском прорыве я награждён медалью «За отвагу». Эта радость омрачалась потерей друзей. По странной случайности из четырёх в батарее орудий уцелела только пушка № 2009.

Из моих земляков-даниловцев в расчёте снова оказались Николай Фёдорович Золин-заряжающий и Фёдор Николаевич Синькин-номерной. Я не упоминал, что с первого дня дивизии был избран парторгом батареи. После выздоровления коммунисты опять мне доверили эту беспокойную работу. Хотя немало бойцов выбыло из батареи, она по-прежнему оставалась коммунистической...

Мы завершали изгнание гитлеровцев с нашей земли. Вперёд продвигались быстро. Миновало время, когда пушки тащили на руках и везли на истощённых лошадях. Сейчас орудие было прицеплено к автомашине, а мы ехали в кузове рядом с ящиками снарядов.

Дивизия готовилась вступить в Польшу. На партийных собраниях коммунисты давали клятву выполнить свой интернациональный долг перед польским народом. Теперь с нами бок о бок действовали воины польской армии. Через Западный Буг переправились на плоту. За рекой снова встали на прямую наводку или, как выражались артиллеристы «на прямуюшку». Тут уже снарядов не жалели. К этому времени наша пушка сделала свыше десяти тысяч выстрелов, пройдя всю Смоленщину, Белоруссию, Западную Украину. Радостно, как своих освободителей, встречали нас поляки.

Три дня дивизия билась за крепость Прагу-предместье Варшавы. Орудие вело огонь с закрытых позиций. 13 сентября 1944 года к нам пришёл заместитель командира дивизиона по строевой части. Фамилию этого офицера я забыл, помню только звание-капитан. Обратившись ко мне, он приказал:

-Немедленно готовьте своё орудие на прямую наводку, надо выручать пехоту.

Как оказалось, противник сильным огнём прижал к земле бойцов 1342-го стрелкового полка, не даёт им возможности продвинуться вперёд и захватить станцию Древницу.

Ехали мы лесной разбитой дорогой, но быстро. По сторонам пролетали стройные, как свечи сосны. Однако не встретилось ни одного целого дерева, все они были изранены осколками, перебитые сучья висели, точно плети.

Противник вёл страшный огонь-из орудий и пулемётов. Машина то и дело ныряла в глубокие и ещё дымящиеся воронки. Когда подъезжали к переднему краю, лес кончился и дорога пошла по открытому полю. Шофёр Погосьян растерялся, машина неуверенно запетляла. Заметив это, капитан приказал тут же остановиться и сел вместо шофёра. Автомобиль стремительно сорвался с места и на третьей скорости долетел до разбитого каменного дома.

Противник от машины находился на расстоянии четырёхсот метров, в здании кирпичного завода. Разглядеть нас ему мешал густой яблоневый сад. Всё в эти минуты происходило с невероятной быстротой и точностью: мы выпрыгнули из кузова, отцепили пушку, сбросили ящики со снарядами. Капитан указал место для орудия и цель-кирпичный завод, в котором располагалась противотанковая пушка и два станковых пулемёта.

Распорядившись, капитан круто развернул машину и скрылся в лесу. Тут только я заметил, что под прикрытием кирпичной стены примостился наш телефонист с подвязанной на голове трубкой. Пушку мы установили среди яблонь. Проверив установку орудия, я нацелил его на кирпичный завод. Прицел на ноле, панорама на ноле, уровень на ноле, - значит, пушка на прямую наводку установлена точно. Передаю телефонисту:

- К бою готовы!

Тут же поступила команда: бронебойными, беглым, десять снарядов по кирпичному заводу.

Оттуда из окон, захлёбываясь огнём нещадно били станковые пулемёты. Мы видели наших бойцов, прятавшихся за складками местности. Солдатам нельзя было поднять головы.

Я смотрю на своего наводчика младшего сержанта Золина, как всегда с виду угрюмого и молчаливого. Он постарше меня, но крепкий, коренастый. Только за годы войны от грохота стрельбы стал туговат на ухо. Этим все мы, артиллеристы страдали. Обычно команды подаются в полный голос, а тут кричать нельзя: голос привлечёт внимание противника скорее, чем выстрел. Я передаю команду негромко, Золин понимающе кивает.

Пушка бьёт часто, я делаю поправку: правее- и цель накрыта. Пулемёты уничтожены. Наши пехотинцы поднялись с земли, им навстречу лихорадочно заколотила из того же кирпичного завода противотанковая пушка. Мы удивляемся: почему вражеские артиллеристы не хотят нас замечать? Не дожидаясь их внимания, без остановки всаживаем снаряды в стену завода. От неё летит красная пыль, в нескольких местах зияют пробоины. Стоп! Немецкая пушка поперхнулась и замолчала...

У меня из ушей текла кровь. Во время стрельбы, такой интенсивной и напряжённой, я не успевал открывать рот, барабанные перепонки не выдержали. Раскалился ствол пушки. Но времени для передышки нет! С наблюдательного пункта передали новые ориентиры. На этот раз цель-вагоны на станции Древница. Мы выпустили пять фугасных снарядов беглым огнём и увидели как сразу в небо поднялся столб дыма. На душе у нас полегчало. Бодро пошла пехота. Не первый раз наша пушка выручает бойцов 1342-го стрелкового полка. Что бы веселей им продвигаться, мы стреляем осколочными снарядами по направлению противника. Работа идёт споро.

Но противник не хочет без сопротивления сдавать свои позиции. И вот уже показались танки-один, другой, третий... Снова звучит команда: бронебойными по танкам врага! Первая машина вспыхивает, другие разворачиваются на полном ходу уходят восвояси. Удачный бой! Пожалуй, за всю войну не было ещё такого! Даже Золин, рукавом вытирая лоб, улыбается:

-Даём, Николаич! На всю Даниловскую...

Через несколько дней мы с радостью узнали, что наша родная Ярославская дивизия получила почётное наименование Пражской, а наш артиллерийский полк стал называться Варшавским.

Не обошли наградами и наш орудийный расчёт: Золину вручили орден Славы III степени, мне орден Красной Звезды, медалями награждены и другие наши товарищи.

...Дни в Германии весной сорок пятого года запомнились как огневая страда. Мокли спины от напряжения, гудели руки от усталости, уши глохли от непрерывной стрельбы.

Мы остановились у Одера. Широкая, грязноватая после весенних паводков река встретила неприветливо. С противоположного берега била вражеская артиллерия. Наша пехота ждала сигнала на форсирование. Однажды утром на участке артполка скопилось большое количество понтонников с наплавными средствами. Быстро на наших глазах, навели мост. Мы переправились по нему и снова, уже в последний раз, встали на прямую наводку. Здесь по Берлином, закончила свой боевой путь пушка № 2009, сделав свыше 20 тысяч выстрелов. Чтобы перевезти все выпущенные снаряды, потребовалось бы двадцать железнодорожных вагонов. Пушка выглядела новенькой, хотя и прошла две с половиной тысячи километров. В последний раз мы очистили её от гари, смазали, подкрасили и зачехлили. При расформировании дивизии пушку передали в гвардейскую часть.

Очень жаль, что дальнейшая судьба пушки № 2009 неизвестна. Где она несла свою боевую службу в последние годы? На каких полигонах из неё вели огонь молодые солдаты, обучающиеся военному мастерству?

Место её в музее. Если вдуматься, история этого орудия показательна. В такой истребительной войне не просто получить пушку под Москвой и зачехлить её под Берлином. Тут нужны и

хозяйская забота, и чёрный труд, и выносливость людей. А они-мои товарищи по расчёту-останутся в памяти как побратимы и мужественные воины.

В августе 1945 года с вещмешком за плечами я шагнул со станции Путятино в родную деревню Стокшино. Отдохнув несколько дней после дороги, пошёл в районный комитет партии доложить о своём возвращении. Мне рассказали:

-Пока шла война, выборов в Сельский Совет не было, таким образом, вы по-прежнему остаётесь председателем сельсовета. Идите в Никольское, принимайте дела!

Снова знакомое прокуренное помещение. Снова беспрерывно звонит старомодный телефон, по которому я узнал о начале войны... Потекли нелёгкие будни. Вернувшиеся домой воины подымали хозяйство. Затем три года я проработал председателем укрупнённого колхоза. Силы мои, подорванные в тяжёлых боях, сдавали, я заболел и передал свою должность сыну, а сам остался в колхозе конюхом: ведь какой артиллерист не любит лошадей! Своей депутатской работы я никогда не забывал. Четверть века жители окрестных селений выбирали меня депутатом сельского Совета.